

Прерванный разговор

Железнодорожный экспресс по маршруту «Москва – Владивосток», отошедший два часа назад от перрона столичного вокзала, весело постукивал на стыках рельсов и набирал скорость. Это был не простой поезд: в вагонах расположились писатели, поэты, драматурги и литературные критики со всей России. Были и зарубежные гости. Наибольший интерес у пассажиров и обслуживающего персонала вызывал вагон «СВ» в середине состава, в котором ехали литераторы с мировым именем.

В первом купе этого вагона находились Виссарион Григорьевич Белинский и Дмитрий Иванович Писарев. Они уже почти час спорили о поэзии Александра Сергеевича Пушкина, оба были возбуждены и никак не могли прийти к общему знаменателю.

– Виссарион Григорьевич, – любезно обратился к собеседнику Писарев, – если творческая деятельность Пушкина давала какие-нибудь ответы на те вопросы, которые ставила действительность, то, без сомнения, эти ответы мы должны искать в «Евгении Онегине». Вот и давайте объективно посмотрим на этот роман...

– Давайте, – согласился Белинский.

– Об «Онегине» вы написали две большие статьи. Вот одна из ваших цитат: «Эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение». И далее опять цитирую: «В ней Пушкин является представителем пробудившегося общественного самосознания»...

– Ну и с чем вы, милостивый государь, конкретно не согласны?

– Прежде всего, нужно решить вопрос: что за человек сам Евгений Онегин? Характеризуя его, Пушкин пишет: «Мне нравились его черты... Страстей игру мы знали оба... И резкий охлаждённый ум... Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей»... Попробуем задать себе вопросы. Чем же охлаждён ум Онегина? Какую игру страстей он испытал? На что истратил он жар своего сердца? Что подразумевает он под словом «жизнь», когда говорит себе и другим, что жизнь томит его? Что значит, на языке Пушкина и Онегина, жить, мыслить и чувствовать?

Виссарион Григорьевич внимательно слушал и не перебивал своего визави.

– Ответы на все эти вопросы мы должны искать в описании тех занятий, которым предавался Онегин с самой ранней молодости и которые, наконец, вогнули его в хандру. В первой главе Пушкин описывает целый день Онегина с той минуты, когда он просыпается утром, до той минуты, когда он ложится спать, тоже утром. И что же мы видим? Онегин одевается, едет на бульвар и гуляет там,

затем перемещается в ресторан, где упивается шампанским в сопровождении избытка изысканных блюд. Потом едет на балет. Войдя в театральную залу, Онегин начинает обнаруживать охлажденность своего ума. Покритиковав балет и не досмотрев его до конца, покидает театр. Приезжает домой, переодевается для бала и отправляется танцевать до утра. Причём в ямской карете поскакал на бал стремглав; вероятно, вследствие охлажденности ума. И так изо дня в день... Преобладающим интересом в этой весёлой жизни Онегина является «наука страсти нежной». «Но был ли счастлив мой Евгений?» – спрашивает Пушкин. Оказывается, что Евгений не был счастлив, и из этого последнего обстоятельства Пушкин выводит заключение, что Евгений стоял выше пошлой, презренной и самодовольной толпы. С этим заключением, судя по вашим статьям, соглашаетесь и вы, Виссарион Григорьевич. Но я, к крайнему моему сожалению, вынужден здесь противоречить как нашему великому поэту, так и вам, хотя, говорю это вполне искренне, считаю вас величайшим критиком.

Лицо Белинского слегка побледнело, а Писарев продолжал:

– Когда человек чувствует себя молодым и сильным, он непременно погружается в тяжёлые раздумья. Он всматривается в себя самого и в окружающую действительность и начинает действовать. Жизнь ломает по-своему его теоретические выкладки, старается обезличить его самого и переработать по общей казённой мерке весь строй его убеждений. Он упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и в этой неизбежной борьбе обнаруживаются размеры его личных сил. Когда человек прошёл через эту школу размышления и житейской борьбы, тогда мы имеем возможность поставить вопрос: возвышается ли этот человек над безличной и пассивной массой или не возвышается? Если человек, утомлённый наслаждением, не умеет даже попасть в школу раздумья и житейской борьбы, то мы тут уже прямо можем сказать, что этот эмбрион никогда не сделается мыслящим существом и, следовательно, никогда не будет иметь законного основания смотреть с презрением на пассивную массу. К числу этих вечных и безнадёжных эмбрионов принадлежит и Онегин...

Виссарион Григорьевич хотел что-то возразить, но неожиданно сильно закашлял и полез в карман за платком.

Писарев как воспитанный человек сделал небольшую паузу, дождался завершения кашля и продолжил:

– Онегин скучает не оттого, что он не находит себе разумной деятельности, и не оттого, что он высшая натура, а просто оттого, что у него лежат в кармане шальные деньги, которые дают ему возможность много есть, много пить, много заниматься «наукой страсти нежной» и корчить всякие гримасы, какие он только пожелает соорудить. Ум его ничем не охлаждён, он только совершенно не тронут и не развит. Игру страстей он испытал настолько, насколько эта игра входит в «науку страсти нежной». О существовании других, более сильных страстей, страстей, направленных к идее, он даже не имеет никакого понятия...

Виссарион Григорьевич снова закашлял, ещё сильнее, чем первый раз, и прикрыл рот платком. Чахотка напомнила о себе в самое неподходящее время.

Когда Писарев увидел на платке следы крови, то пожалел, что затеял этот острый разговор, и сразу решил завершить его.

– Виссарион Григорьевич, я обрываю эту тему... Если вам будет интересно, прочтите, если раньше не читали, мою статью «Пушкин и Белинский»... Бога ради, извините, что заставил вас поволноваться...

Белинский поднял руку и вяло махнул ею. А Дмитрий Иванович так и не понял, что означал этот жест.

Кашель у Белинского прекратился. Оба молчали, и беседа по инициативе Виссариона Григорьевича возобновилась лишь спустя четверть часа.

– Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о последствиях большевистского переворота в России в семнадцатом году, – сказал Белинский и заглянул собеседнику в глаза.

– Социалистический строй в СССР при всех его ошибках и шероховатостях был вершиной человеческого развития, – сказал Писарев, довольный, что разговор возобновился. – И достичь этих вершин позволила политика большевиков и в экономике, и в культуре. Да, не всё было гладко. Чтобы найти истину, нужно пройти через лабиринты ошибок. У детей рабочих и крестьян появилась возможность получить хорошее образование, чего не было в царской России. Уберите десяток наших классиков девятнадцатого века из русской литературы, и почти ничего в ней не останется. А практически все они были людьми состоятельными. Им не надо было думать о куске хлеба, у них была возможность заниматься литературным творчеством...

– Вот именно, – перебил собеседника Белинский. – В советские годы рядовой гражданин мог достичь очень больших высот в любой области, в том числе и в литературе. Шолохов, Твардовский, да что там, появились десятки писателей и поэтов мирового уровня. Наше счастье, что после смерти Ленина страну возглавил Иосиф Виссарионович. Пока он был жив, СССР шёл от одной победы к другой. И не только в экономике и науке. А как стремительно развивалось музыкальное искусство. Неужели всё это было, но прошло?.. Правильно говорил Сталин. Дословно не помню, но за смысл ручаюсь. Пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимы. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, и они лишатся всякой силы и превратятся в пустышку.

– К великому сожалению, это и произошло, – уныло констатировал Писарев. – Но меня больше всего бесит, что клевета как из рога изобилия продолжает сыпаться на Иосифа Виссарионовича.

– Верно заметил как-то режиссёр Бортко, Сталин – самая оболганная личность в истории двадцатого века. И мы до сих пор пожинаем плоды этой лжи. Множество исторических процессов в СССР после тысяча девятьсот пятьдесят третьего года указывали на развитие советского общества в сторону от коммунизма, назад к капитализму. Коммунизм как идея после смерти Сталина объективно проигрывал в классовой борьбе, развернувшейся во всех сферах общества, в том числе и внутри самой партии. Сам факт, что юридический запрет КПСС произошёл с согласия генерального секретаря, всего состава Политбюро, ЦК и при полном бездействии местных организаций, говорит о том, что причина реставрации капитализма в СССР кроется в классовом поражении внутри руководства КПСС. По сути – в измене.

– Современный капитализм – это тот же людоед, что и сто лет назад, – добавил Писарев. – С той лишь разницей, что сейчас он пожирает под соусом научно-технической революции. Не существует капитализма с человеческим лицом. Есть капитализм, одевший маску гуманизма. И к тому же живём, не имея никакой национальной идеи...

– Это не совсем так, а скорее совсем не так, – не согласился Белинский. – Идеологическим фундаментом буржуазного строя современной России является антисоветизм и православие.

– Да, наверное, это так... И всё-таки России крупно повезло, – уверенно сказал Дмитрий Иванович. – Взяв на вооружение марксизм-ленинизм, Россия выстояла, преодолела все невзгоды, сделала головокружительный скачок в своём развитии. Жаль только, что россияне отступились от этой прогрессивной идеологии.

– Временно отступились, – поправил собеседника Белинский. – Революция и контрреволюция – это сообщающиеся сосуды, иллюстрирующие законы диалектики. А идеи марксизма-ленинизма уничтожить уже невозможно. Они как дамоклов меч будут висеть над «головой» любой буржуазной власти. Учение Маркса всесильно, потому что оно верно.

– Так-то оно так, но посмотрите, – с интонацией разочарования сказал Писарев. – Почти никто из россиян работы Маркса, Энгельса, Ленина сегодня не читает. Историю СССР по документам, а не по выступлениям участников ток-шоу не изучает... Короче, так глубоко не копают, как надо, боятся «лопату сломать». А интеллигенция? Подавляющая её часть – это люди, которые не изучают историю социалистического строительства, совершенно не ориентируются в политических процессах, происходящих в современном мире. Поэтому неизлечимо и страдают болезнью под названием политическая наивность. Те, кто считает себя интеллигентами, – это, как говорится, «интеллигенты на босу ногу». Особенно ярко этот вывод иллюстрируют высказывания видных и действительно талантливых деятелей нашего искусства. Сколько музыкальных шедевров создал Юрий Антонов, а ратует сегодня за монархию в России...

– Что вы хотите от него? У него образование – музыкальное училище...

– Ну, тогда пусть публично не касается политики. Или Людмила Гурченко. Великолепнейшая актриса! Но противно было смотреть, как она расхваливала Ельцина... А Никита Михалков! Он же, просто захлёбываясь от энтузиазма, пытался доказать в своих передачах, какой выдающийся политический деятель был адмирал Колчак.

– Полностью согласен с вами.

– На последних выборах в Государственную Думу большое число избирателей, заражённое политической наивностью, проголосовало за «Единую Россию». А сразу после президентских выборов эта партия резко усилила уровень эксплуатации трудящихся. То так называемая пенсионная реформа, то введение, смешно сказать, налога на сбор ягод и грибов в лесу, то новые штрафы, то инфляция...

Другими словами, нагло оставила своих избирателей в дураках. Ну как тут не вспомнить известную фразу Грушеньки из «Братьев Карамазовых»: «Вот и оставайтесь с тем, что вы у меня ручку целовали, а я у вас нет»... Жить стало уже так противно, что умирать не хочется.

– Когда три козла подписали Беловежские соглашения, бараны промолчали, – зло съязвил Белинский.

– Особенно больно было смотреть, как повели себя представители руководящего состава Министерства обороны, КГБ, МВД во время распада СССР...

– Они, пока служили в период разложения КПСС, научились «переобучаться в воздухе», поэтому и получили генеральские лампасы.

– Ничего, осталось ждать совсем недолго. Каких-нибудь пять-десять лет – и мы увидим новую социалистическую революцию в России! – с воодушевлением воскликнул Дмитрий Иванович.

– Народ безмолвствует.

– Возможно, это заговор молчания. И заговорщиков становится всё больше.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – категорически не согласился Виссарион Григорьевич. – Нет рабочей партии, вооружённой революционной теорией, которая возглавила бы массы и довела бы революцию до победного конца. В далёкой перспективе мировая революция неизбежна, но никто не знает, какой лозунг будет написан на знамени этой революции. Вопросов много, но на то они и вопросы, что призывают нас к ответу.

– Не мешайте мне оставаться оптимистом. Пессимистом я стану и без вас.

Будем надеяться. Ведь главная опора в жизни – надежда.

– Любой народ пишет свою историю с ошибками, – с печалью в глазах констатировал Виссарион Григорьевич.

– Мы же видим, – настаивал на своём Писарев, – как быстро складывается революционная ситуация... Посмотрите, на протестные акции выходят уже тысячи. Хабаровск, Минск. Провинция становится столицей общественного мнения.

– Да, действительно, уже «верхи не могут, а низы не хотят». Недееспособны те и другие, но в руках у «верхов» и финансовый ресурс, и силовой, и административный, и религиозный. И готовность пойти на всё ради сохранения своего статуса и активов. И что немаловажно, умелое манипулирование мелкобуржуазной психологией подавляющего большинства «низов». Президент и правительство будут ещё тридцать лет обещать трудящимся счастливый капитализм.

– Политики обещают до тех пор, пока у них не отберут микрофон, – съязвил Писарев.

– Инертность и недееспособность – вот главные характеристики поведения «низов» на сегодняшний день.

– Но ситуация накаляется, и к активности людей подтолкнёт не только пустой желудок, а, скорее всего что-нибудь иное; например коронавирус или другая более разрушительная эпидемия. Или природные катаклизмы. Да и последствий этой эпидемии мы до конца пока, на мой взгляд, не осознаём. Интрига сегодняшней жизни оформится уже завтра. И нам надо спешить. Не зря Твардовский написал: «Смерть – она всегда в запасе, жизнь – она всегда в обрез». Виссарион Григорьевич, вы бы написали статью, как вы видите сегодняшний и завтрашний день России. А эпиграфом к статье поставили бы такие слова: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. А Путин принял Россию с Чубайсом, похоже, что и оставит её с Чубайсом».

– Последнее время я ничего не пишу. Силы кончаются...

– Если силы кончаются, значит они ещё есть. Будем ждать ваши новые статьи.

– Никакой социалистической революции в ближайшие годы не будет, – снова повторил Белинский. – Как говорил незабвенный Станиславский, «не верю».

Писарев заметил, что собеседник опять начал волноваться и у него может разразиться новый приступ кашля. С учётом этого он решил сменить тему разговора.

– Честно говоря, хочу перевести немного в другую плоскость нашу беседу. Виссарион Григорьевич, сейчас меня очень волнует состояние современного литературного процесса в России. Как вы его оцениваете?

Белинский и раньше немало размышлял на эту тему, и потому его ответ не заставил себя ждать:

– Здесь всё взаимосвязано. Как государство относится к писателям? Они же сегодня в отличие от советского периода беспризорики. На какие шиши жить литератору? Гонорары-то в журналах копеечные, а чаще вообще автору ничего не платят...

– А есть десятки журналов, в которых публикация вообще платная... – усмехнулся Писарев.

– Ну, это для графоманов. Уважающий себя литератор на это не пойдёт. Это всё равно, что я сделаю табуретку, вынесу её на рынок и буду предлагать покупателям взять её мало того бесплатно, а ещё и деньги дам за то, что кто-то согласится забрать её.

– Любый графоман-любитель мечтает стать профессиональным графоманом, – пошутил Дмитрий Иванович.

– Вот именно... Так вот, сегодня я насчитал уже около тридцати писательских союзов. И вступить в них проще пареной репы: заплати деньги – и ты уже в писательском строю. Более-менее серьёзные – это Союз писателей России и Российский союз писателей. В них, хотя и не часто, но всё же встречаются стоящие авторы. Идеологически мне, конечно, ближе Союз писателей России, но и там меня слишком многое не устраивает. Больше половины литераторов в нём – это не писатели и поэты, а так называемая окололитературная среда. Да и соглашательская политика с олигархической властью не делает им чести. Опять же заигрывание с религией. Я говорил и не устану повторять, что в словах «бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут. Я атеист. В этом есть и заслуга Бога. Если проанализировать взгляды самых выдающихся представителей человечества, то девяносто процентов из них, если не больше, были атеистами, потому что задали себе вопрос: «Если Бог есть, то почему его нет?..»

– А целый ряд знаменитых людей о своих атеистических взглядах высказались в ироничной форме, – добавил Писарев. – Мне, к примеру, нравится, как сказал Генри Менкен: «Церковь – это место, где джентльмены, никогда не бывавшие на небесах, рассказывают о них небылицы тем, кто никогда туда не попадёт».

– А Марк Твен выразился ещё смешнее: «Чем чаще человек поминает Бога в своих речах, тем усерднее я слежу за своим кошельком». Религия всегда отстаивала интересы только эксплуататоров, этим же она активно занимается и сегодня. Олигархический капитализм современной России настолько озверел, что уровень эксплуатации растёт практически ежемесячно. И что же? Церковь хоть один раз замолвила словечко за интересы трудящихся? Нет! Тысячу раз прав Карл Маркс: «Религия – опиум для народа».

– А меня больше всего бесит просто чудовищный уровень бедности русского народа, – возмутился Дмитрий Иванович. – Именно поэтому он так стремительно вымирает.

– А по-другому и быть не может. Или этот народ будет бороться за своё выживание, или будет безмолвствовать и вымирать. У нас в стране двести долларовых миллиардеров, и у них в совокупности в полтора раза денег больше, чем в Федеральном бюджете России за 2020 год.

– Но мы видим, что русский медведь начинает просыпаться от спячки...

– Да, это так, – неохотно согласился Белинский.

– И кто, на ваш взгляд, на этом фоне будет «героем нашего времени» в русской литературе?

– Уверен, что уже кто-то пишет новый роман, где главными героями будут новые большевики.

А вся эта прикормленная оппозиция, у которой хороший аппетит, в глазах народа продолжит терять привлекательность. Сегодня самый лучший способ отслеживать настроения людей – это читать комментарии в интернете. Там их десятки тысяч и почти все угрожающие для власти. Вот и судите, кто в скором времени будет героем в жизни, а значит и в русской литературе.

– А кого вы считаете лучшими писателями и поэтами в двадцать первом веке? – спросил Писарев.

– Кто лучший из прозаиков? На этот вопрос ответить очень сложно. Те авторы, которые получают денежные премии и у которых книги выходят регулярно, по уровню своего таланта безнадежно далеки от наших классиков, в том числе от классиков советского периода. Это другой сорт литературы, рыночный сорт. Эти авторы идут на поводу у читателей, а нужно вести за собой. В их текстах в лучшем случае присутствует добротный художественный язык и больше ничего. Однако уверен, что есть, есть талантливые и даже очень талантливые прозаики, тексты которых или выходят мизерными тиражами, или вообще не продвигаются дальше сайта «проза.ру». Ну а там, в потоке графомании, заметить их просто невозможно. К такому выводу прихожу по той причине, что нет-нет да и прочтёшь рассказ какого-нибудь совершенно неизвестного автора, и этот рассказ не даёт покоя несколько дней.

– Ну а вот роман Михаила Попова «На крессах восточных» или роман Александра Родионова «Князь-раб»? – предложил в качестве эталона Дмитрий Иванович.

– Не спорю, хорошие романы, но событием в русской литературе они не стали...

– Может, потому, что изданы смешным тиражом и не дошли до читателей?..

– И по этой причине тоже, – согласился Белинский. – Но главное всё же, на мой взгляд, кроется в другом. Происходит смена поколений читателей. И у новых читателей художественный вкус деформирован. Этой цели буржуазное государство добивается уже тридцать лет. Молодому читателю в основной своей массе нужны легковесные тексты: Акунин, Донцова, Устинова, Маринина...

– Кстати, о Марининой, – оживился Писарев. – Раньше ничего у неё не читал, а вот недавно увидел её книгу «Горький квест» и решил узнать, что там она вещает про Алексея Максимовича. Произведение в трёх томах, на многих страницах пустота. Но есть у этой книги один большой плюс: герои постоянно возвращаются к тексту повести «Дело Артамонова» и не только, подробно обсуждают образы, их взаимоотношения и так далее. Всё это поможет особенно молодым читателям лучше понять творчество Горького. А что мне категорически не понравилось, так это насмешливо-брезгливое описание советской действительности семидесятых годов. У молодых читателей может сложиться такое впечатление, что жизнь при советской власти была убогой, а вот сейчас хорошо живётся.

– Видел я эту книгу, посмотрел: тираж шестьдесят тысяч экземпляров. Вот именно такая литература и нужна нашей олигархической власти. Но если бы там прозвучали страшные цифры, характеризующие жизнь России за последние тридцать лет, то эта книга вышла бы в лучшем случае тиражом одну тысячу экземпляров. Всё это не русская, а псевдорусская литература.

– Да-а, цифры просто шокируют. Русских в России за последние тридцать лет стало на десять миллионов меньше... Да вы и без меня обо всём этом знаете.

– Самая главная причина плачевного состояния литературы в том, что русская литература патристической направленности у нас запрещена. Да, да, запрещена! А чтобы это безобразие не слишком уж бросалось в глаза, нет-нет да и бросит власть «косточку» в адрес писателей-патриотов. Вот Валентин Курбатов получил наконец-то Государственную премию по литературе, а Николай Зиновьев стал Героем Кубани...

– А вот ещё одна возмутительная иллюстрация, – добавил Писарев. – Книжный магазин «Библио-Глобус» отказался продавать книги издательства «Институт русской цивилизации», которое выпускает в свет произведения таких авторов, как Достоевский, Леонтьев, Бердяев, Ильин, Рязанов, Катасонов и многих других выдающихся мыслителей. Это же издательство, если помните, выпускает и Большую энциклопедию русского народа. Причина запрета на продажу – отказ некоего «общественного совета» работать с книгами данного издательства. При этом залы «Библио-Глобуса» забиты книгами Шендеровича, Акунина и других русофобов.

Через несколько минут собеседники перешли к обсуждению современной поэзии.

– ...А вот талантливому поэту в этом плане проще, – утверждал Белинский. – Текст стихотворения в десятки раз короче. Его легче разместить в печати, читатели быстрее его заметят, а значит, и дадут достойную оценку. Хотя и тут барьеры. Живуча зависть, действует принцип «свой – чужой» и много других факторов. Есть десяток-два хороших поэтов, но до эпитета «выдающийся» они явно не дотягивают. Да и сами писательские союзы плохо работают над «выращиванием» громких имён, не оказывают своевременной и существенной поддержки действительно талантливым авторам. Зачем-то появились «священные коровы», чьи стихи критиковать публично нельзя. От этого страдают прежде всего сами «священные коровы», ибо не имеют возможности ознакомиться с замечаниями читателей. Страдают и читатели, так как не наблюдают творческого роста этих в общем-то неплохих поэтов. Да и писательские союзы при такой политике теряют авторитет в глазах читателей. Вот всего лишь один пример. Я уже упоминал о кубанском поэте Николае Зиновьеве. Талант несомненный. Яркая литературная индивидуальность, которую заметили и читатели, и в Союзе писателей России. Зиновьеву, что бывает очень редко, повезло: обласкан и писательским союзом, и властью, и периодическими изданиями. И в список «священных коров» уже давно попал. И что же? В последние годы не выходят из-под его пера такие же пронзительные строки, какие он писал ранее. А если бы появилась принципиальная и доброжелательная критика в его адрес, возможно, его назвали бы лучшим русским поэтом в современной России.

– Да, согласен. Николай Зиновьев – один из лучших поэтов. Но кто же всё-таки самый лучший, Виссарион Григорьевич?

– Лучшим русским поэтом начала двадцать первого века я считаю Михаила Анищенко...

– Как я рад, что наши оценки совпадают! – воскликнул Писарев и даже подпрыгнул от радости.

– Всю жизнь ему не давали хода. Его творчество замалчивали, почти все литературные журналы включали перед его шедеврами красный свет. Я не видел ни одной статьи о поэзии Анищенко, да и узнал о нём, честно говоря, совсем недавно. Не понятно, куда смотрели чиновники Союза писателей России, кстати, членом которого он был, по-моему, с тридцати лет. И что совсем уж печально, до сих пор его творчество не получило достойной оценки. А ведь лучше него поэтическим языком никто не написал о сломе эпох в России и о том, что при этом пережил русский человек. А какой у него поток свежих и удивительно ярких метафор, какая концентрация мыслей и чувств в каждой строфе...

– Что да, то да. На днях мне прислали из Самары только что вышедшее собрание его сочинений в двух томах. Там я прочитал много его стихотворений, которые раньше не встречал в интернете.

А вы читали этот двухтомник?

– К сожалению, пока нет. Но я слышал об этом издании. Обязательно найду.

– Так вот, там я прочитал множество страниц, от которых просто дух захватывало. Есть там стихотворение, где лирический герой ведёт разговор с кладбищенским сторожем. Читали?

– Нет, впервые слышу...

– Я его тоже ранее не встречал. А тут прочитал два раза и сразу запомнил. Оно называется «Очень печальное стихотворение». Вот послушайте.

На отшибе погоста пустого,
Возле жёлтых размазанных гор
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.

Я сказал ему: «Видимо, скоро
Подойдёт неизбежный черёд...»
Но ответил кладбищенский сторож:
– Тот, кто жив, никогда не умрёт.

Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
– Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?

Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.

В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!

Я заплакал, и месяц-заморыш
Усмехнулся в ночи смоляной...
Ах ты, сторож, кладбищенский сторож:
Что ты, сторож, наделал со мной?

– Потрясающее стихотворение, – Виссарион Григорьевич смахнул набежавшую слезу. – Вот это и есть настоящая поэзия. За душу берёт то, что волнует не только сердце, но и разум.

Белинский покачал головой и добавил:

– Правда, мне несколько резанула слух строка «Что ты, сторож, наделал со мной?». А впрочем, простим это выпускнику Литературного института.

Минуты две-три сидели молча.

За окном замелькали пятиэтажки. Состав стал тормозить. Намечалась первая остановка в долгом пути.

Вдруг дверь в купе с лязгом отъехала, и в проёме появился мужчина средних лет в форме прокурорского работника. В руках он держал дорогую кожаную папку, на одном из пальцев правой руки бросался в глаза золотой перстень с бриллиантом. За спиной мужчины стояли двое в полицейской форме.

Вошедший посмотрел на Писарева и громко спросил:

– Писарев Дмитрий Иванович?

– Да, я. А что случилось?

– Я старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, моя фамилия Абдраханов. Сегодня в отношении вас возбуждено уголовное дело по статье двести семь, часть первая. Решением Басманного суда города Москвы вы с сегодняшнего дня находитесь под домашним арестом. Вот постановление, – и следователь извлёк из папки какие-то документы.

– Ничего не понимаю. В чём меня обвиняют?! – возмутился Дмитрий Иванович.

– Поясняю, – ответил следователь. – Статья двести семь, часть первая – это публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

– Чувь какая-то. И какую же ложную информацию я распространил?..

– Ну как же. Вы же написали и опубликовали статьи «Мыслящий пролетариат», «Реалисты», «Базаров»?

– Ну, я...

– Вот за это и придётся нести уголовную ответственность. Вы отсидели в Петропавловской крепости четыре года, но выводы для себя так и не сделали. Вот я вам и помогу сделать выводы, – усмехнулся Абдраханов.

– Но позвольте... – вмешался Виссарион Григорьевич.

– А с вами не разговаривают. Пока не разговаривают! А если будете и дальше много вякать, то беседовать будем и с вами. Но в другом месте. А вы, – следователь небрежно махнул рукой в сторону Писарева, – быстренько собирайтесь. Через три минуты остановка, выходим...

Через пять минут Дмитрий Иванович Писарев и «сопровождающие его лица» покинули вагон и вышли на перрон.

Поезд постоял всего две минуты и помчался дальше.

А из первого купе долго слышался надрывный кашель оставшегося в одиночестве пассажира.

ГЛАВА 2

Вот она, любовь окаянная...

Во втором купе вагона «СВ» находились двое. Один из них был одет в дорогой модный костюм. Белая рубашка и светлый галстук создавали впечатление, что этот пожилой господин носит только абсолютно новые вещи. Щёки и подбородок были безукоризненно выбриты. Умные глаза смотрели на своего визави доброжелательно. Любители русской литературы несомненно узнали бы в нём Ивана Алексеевича Бунина.

Напротив Бунина сидел седой бородатый старик в посконной рубахе с сурово сдвинутыми кустистыми бровями. Бросались в глаза его крупные натруженные ладони, говорившие о том, что их владелец не чурается физического труда. Имя этого человека знал весь цивилизованный мир. Да, это был граф Лев Николаевич Толстой, которого Владимир Ильич Ленин назвал «зеркалом русской революции».

Хотя беседа шла неторопливо и в спокойном тоне, через некоторое время на лице Бунина начала читаться неудовлетворённость происходящим. Он продолжил свою мысль:

– Чем отличается социализм от капитализма? Если выразиться образно: накормить голодного рыбкой, а при капитализме: дать удочку...

– Не согласен, – перебил собеседника Лев Николаевич. – На самом деле капитализм – это не дать удочку голодному, а продать её в кредит, не давая голодному понять, что ни доступа к рыбному пруду, ни права на отлов у него всё равно нет, так как и пруд, и рыба давно принадлежат тем, кому он теперь ещё и за удочку должен.

– Но согласитесь, Лев Николаевич, если бы большевики пошли не по пути рывка в коммунизм, а как все социал-демократы Европы выбрали эволюционный путь развития от капитализма к более справедливому общественному устройству, то и реставрации капитализма в России в девяностых годах не произошло бы...

– Нет, милостивый государь. Если бы большевики не пошли, как вы выразились, по пути рывка в коммунизм, не состоялась бы у нас индустриализация и культурная революция, а значит, мы бы проиграли Великую Отечественную со всеми вытекающими последствиями. Фактически Сталин спас Россию от катастрофы, но этого до сих пор народы России полностью не осознали. Не зная истории – повторять старые ошибки, не зная науки – совершать новые.

– Да, но что творилось в годы Гражданской войны, вы же помните? Сколько жертв...

– Если бы проиграли Отечественную, жертв было бы неисчислимо больше. А если бы такие дворяне, как вы, которым и терять-то особо было нечего, поддержали большевиков, то и жертв было бы во много раз меньше.

– Но вы же, батенька, метнулись на сторону белого движения.

– Да, было такое, – согласился Бунин и, пытаясь пошутить, добавил: – Ошибки, которые мы ещё не совершили, ждут своей очереди.

– Я знал, что мы с вами будем соседями по купе, и был уверен, что разговор зайдёт и об Октябрьском перевороте семнадцатого года. И специально взял ваш шедевр «Окаянные дни». Слово «шедевр» я, естественно, беру в кавычки. Вот оно... – Толстой полез в старый портфель и извлёк из него книгу, – ваше и политическое, и человеческое лицо образца тысяча девятьсот восемнадцатого года...

Бунин собрался что-то сказать, но не успел.

– И не перебивайте меня, – строго сказал Толстой. – Вот, напомним вам, Иван Алексеевич, я даже закладку сделал, какие гнусные строки вы написали...

– Ради бога, не надо...

– Нет уж, послушайте себя любимого. Читайте: «Опять какая-то манифестация, знамёна, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: “Вставай, подымайся, рабочий народ!” Голоса утробные, первобытные... Восточный крик, говор – и какие мерзкие даже и по цвету лица, жёлтые и мышинные волосы. А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих... и вообще среди русского простонародья – сколько их, этих атаквистических особей, круто замешенных на монгольском атаквизме!.. Какая у всех свирепая жажда их погибели! Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им». Вот так вы любили народ, который вас кормил, одевал и давал возможность наслаждаться жизнью! Желали самую страшную казнь!

Пока Толстой читал, Иван Алексеевич беспрестанно менял позы и жаждал, чтобы всё это быстрее закончилось. Он помнил каждое слово из услышанного отрывка. И особенно больно было его душе, что этот текст ему прочитал не кто-то другой, а сам Лев Николаевич Толстой, великий русский писатель с мировым именем.

– «Окаянные дни» – это самая большая ошибка в моей жизни. И мне до сих пор за эту ошибку стыдно, – искренне сознался Бунин.

– Суд Истории не рассматривает явку с повинной как смягчающее обстоятельство...

– Каюсь...

– С совестью можно договориться, но осадочек у неё останется. Ну и кто после этого скажет, – уже спокойно продолжил Толстой, – что до семнадцатого года не было классов и классовой вражды и проклятые большевики всё это придумали? Ведь вся эта злоба, брезгливость, презрение, отвращение к людям низших классов – они присутствовали у представителей господствующего класса и до семнадцатого года, и то же самое мы наблюдаем вот уже тридцать последних лет после реставрации капитализма в России. Дожили, всё разваливается. Чиновников всё больше, а толку всё меньше. С каким-то коронавирусом справиться не можем. А воруют сколько?! Ужас! Уже отмычки – это вчерашний день воровских инструментов. Теперь в ходу национальные проекты.

– Лев Николаевич...

– Подождите, я ещё не всё сказал. Тропа заблуждений хорошо утоптана. Чтобы избежать лишних заблуждений, вам, Иван Алексеевич, не надо кичиться получением Нобелевской премии. Пальма первенства быстро сохнет. Кроме того, Нобелевка уже давно покрылась политической ржавчиной. Пастернак, Солженицын – ну какие они гиганты в литературе?.. Солженицын вон собирался стать гением, но вся жизнь ушла на сборы. Про Алексеевич я уже не говорю. Это позор, это уже не лезет ни в какие рамки. Иван Алексеевич, а почему вы раньше не вернулись в Россию? У вас же был шанс вернуться. Если мне не изменяет память, вас и Катаев уговаривал, и Константин Симонов...

– Всегда есть шанс, которым нельзя воспользоваться.

– Ну, ладно. Так что, Иван Алексеевич, не обольщайтесь. Шекспир плохо пишет, а вы ещё хуже! – уже с видимым раздражением сказал Толстой.

Заметив, что лицо Бунина стало покрываться краской, Лев Николаевич решил смягчить разговор и добавил:

– Есть, конечно, у вас и талантливые вещи: «Жизнь Арсеньева», «Митина любовь», десяток рассказов. Я знаю, в годы Второй мировой войны вам было трудно. В голоде, холоде, больным вы продолжали своё рыцарское служение литературе. Были и оставались всё таким же: погружённым в память о России, о русских характерах, природе.

– Лев Николаевич, вы для меня тот человек, каждое слово которого мне дорого. Ваши произведения раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества. Иначе я не писал бы в течение нескольких лет книгу «Освобождение Толстого»...

– Ну, спасибо, что не забыли старика... Хотя далеко не со всем я там согласен.

– Я тоже знал, что мы поедем в одном купе и, как и вы, приготовил, так сказать, домашние заготовки. Вот, – Бунин достал из кармана блокнот, – выписал десятка два ваших цитат о любви. Вы много размышляли о любви в своей публицистике, дневниках (кстати, очень хорошо, что они опубликованы), устами своих литературных героев. Так вот, я уже давно делаю выписки из ваших произведений на эту тему. Почитаем, Лев Николаевич?

– Да читайте, мне-то что.

– Вот вы пишете: «Наша жизнь становится радостней, как только в ней появляется любовь». Высказывание больше похоже на юношескую восторженность. Христос любил, но радости ему это не прибавило. Или вот: «Смысл жизни – в любви. А что может быть иначе?» Ох уж этот смысл жизни... А что если для кого-то смысл жизни в познании? Ещё цитата: «Уметь любить – значит, уметь всё». К примеру, Дмитрий умеет любить, значит, руководствуясь вашей логикой, он умеет и переводить с русского языка на японский, и управлять государством, и ремонтировать компьютеры. А вот ещё: «Когда влюбляешься, автоматически начинаешь жить жизнью того, кого любишь». Как это? Видимо, вы не видите особой разницы между влюблённостью и любовью...

– Что вам сказать... – Лев Николаевич запнулся. – Всё это я писал в разное время, в различном возрасте, в том числе и под впечатлением каких-то обстоятельств... Мысли-то рождаются как ощущения, живут как чувства и умирают как слова. Поэтому я вполне допускаю, что в моих дневниках где-то звучат и ложные выводы. Да и вообще, человеку свойственно ошибаться в оценке своих ошибок, – самокритично пошутил он.

– Ну да ладно, давайте сменим тему и поговорим о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, – откладывая блокнот в сторону, предложил Иван Алексеевич. – Эта тема настолько всеобъемлющая, что мы с вами в своих произведениях, как мне представляется, коснулись её лишь, если можно так выразиться, краешком.

– Хорошо, – согласился Лев Николаевич и продолжил – Константин Паустовский как-то сказал: «Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое». Но я подобное мнение не разделяю. Говорить о любви надо. В этом сложнейшем вопросе следует тщательно разбираться. Оскар Уайльд где-то, не помню где, написал: «Любовь, а не немецкая философия служит объяснением этого мира». Он, конечно, что называется, перегнул палку, но тем самым подчеркнул важность этого вопроса в жизни любого человека.

– Лев Николаевич, десятки раз я перечитывал ваши произведения, где вы исследуете любовь мужчины и женщины. Мне просто не дают покоя «Крейцера соната», «Дьявол», о романах уже не говорю. И я постоянно удивляюсь, как при вашем, мягко говоря, суровом отношении к женщинам, вы так пишете о любви, что миллионы читателей приходят от этого в восторг?

– Иван Алексеевич, вы же понимаете, что жизнь – это одна субстанция, а художественное произведение, хотя и отражение жизни, но совсем другая. Хотя у меня неоднократно звучали нелестные высказывания о женщинах, я говорил и повторяю, что любовь – это бесценный дар. Это единственная вещь, которую мы можем подарить, и всё же она у нас останется.

– При всём уважении, я не могу согласиться с вами, например, с такой оценкой женщин, – при этих словах Бунин вновь открыл свой массивный блокнот. – Вот цитирую: «Воспринимать женское общество как неизбежное зло общественной жизни, и избегать его по мере возможности. Ибо от кого же мы учимся сладострастию, изнеженности, легкомысленности во всём и множеству других

пороков, если не от женщин? Кто ответственен за то, что мы теряем такие заложенные в нас чувства, как мужество, чистоту и так далее, если не женщины?»

– Ну вот, и вы туда же, – с досадой промолвил Лев Николаевич. – То, что вы зачитали, вовсе не означает, что я не ценю женщин. Когда я писал «Воскресение», Софья Андреевна резко напала на меня за главу, в которой я описывал оболщение Катюши. Она мне говорит: «Ты уже старик, как тебе не стыдно писать такие гадости». Вот она напала на меня, а когда меня братья в первый раз привели в публичный дом и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!

– Да-а-а... Сюжет, достойный не рассказа, а целой повести, – оценил услышанное Бунин. – И всё же, как мне представляется, мы должны учитывать, что этим миром правят мужчины. Именно они устанавливают законы, формируют и поддерживают обычаи и традиции, которые улучшают бытие им, а не женщинам. Фактически у женщин гораздо меньше возможностей для умственного развития, чем у мужчин. Именно поэтому, если говорить в целом, уровень интеллекта у них ниже, чем у нас. Но к этому надо относиться с пониманием и прощать им их ошибки. Большевики – молодцы: они уравнили в правах не только богатых и бедных, но и мужчин и женщин...

– Да, за годы советской власти все женщины без исключения получили возможность учиться, и многие из них сделали существенный рывок в своём всестороннем развитии, – согласился Толстой. – Но чтобы они поднялись до уровня мужчин, им нужно учиться ещё лет пятьсот.

– Лев Николаевич, мне опять же не понятно, почему вы так жёстко унизили замужних женщин? Вот вы написали, цитирую: «Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак даёт счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человеку платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, – злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат, все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих».

– Вы не совсем правильно поняли этот тезис, – Толстой насупился, его лохматые волосы стали выглядеть на голове ещё вызывающе. – Тут речь идёт не только о жене, но и о муже, который, вступая в брак, образно говоря, вручает жене свои недостатки, с которыми она вынуждена жить десятилетиями, а может, и до конца своих дней. Вы вот, Иван Алексеевич, почему разошлись со своей официальной первой женой? Как её?

– Анна Цакни.

– Так почему?

– Она была уж совсем глупа.

– Зачем же вы взяли её в жёны?

– Вы же сами в «Крейцеровой сонате» написали об этом. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь её глупости, а видишь умное. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то веришь, что она чудо как умна и нравственна. Вы же знаете, когда сердце восторгается, разум мутнеет. Не зря говорится, сердцу не прикажешь. Да и к тому же женщины – уникальные создания: они способны притягивать мужчин, отталкивая.

– Сердцу не прикажешь, но посоветовать можно.

– Ну, это уже когда есть жизненный опыт, – попытался оправдаться Бунин за свои ошибки молодости.

– Жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию; вот ведь в чём фокус... Все мы не идеальные: и мужья, и жёны. Но и те и другие хотят, чтобы их спутник обладал интеллектуальными и другими положительными качествами в максимальной степени. Но так в жизни бывает крайне редко. Именно поэтому крайне редко мужчина и женщина проживут вместе сорок-пятьдесят лет, и все эти годы их души наполнены счастьем...

– У счастливой любви свои несчастья, – не согласился Бунин.

– Чувства – вот цемент, который укрепляет брак, – продолжил свою мысль Лев Николаевич. – А чтобы чувства сохранялись и приумножались, и мужчина, и женщина должны всю жизнь учиться и совершенствоваться. Правильно Халиль Джебран сказал: «Любовь, которая ежедневно не возрождается, ежедневно умирает». Это понимал и Лермонтов, поэтому и вложил в уста Печорина слова: «Любовь – как огонь – без пищи гаснет».

– Не помню, кто сказал, мне запомнилась такая фраза: «Любовь – это огонь. Но ты никогда не узнаешь, согреет он твой очаг или сожжёт твой дом».

– Почему же не узнаешь? – возразил Лев Николаевич. – Если человек обладает не только интеллектуальными, но и положительными эмоционально-волевыми и нравственно-этическими качествами, то он никогда не сожжёт твой дом, а только согреет его. А когда мужчина и женщина стали мужем и женой, тут уж им некуда спрятать свои недостатки. Низкий интеллектуальный, эстетический, этический уровень, эгоизм, ревность, занудство, необоснованные претензии, неряшливость и другие качества со знаком минус – вот те качества как мужчин, так и женщин, которые не дают расти и обновляться чувствам.

– Лев Николаевич, мне было бы очень интересно узнать, как вы оцениваете мои рассказы о любви? Что вам не нравится в них?

– Иван Алексеевич, скажу честно. Ваши рассказы я читал давно, перечитывал только два-три лучших из них. Поэтому выскажусь совсем кратко. Возьмём «Граматику любви». Кроме описания природы, ничего интересного, на мой взгляд, в тексте нет. А описание чувства любви героя, насколько я помню, вообще отсутствует. Удивил меня и другой рассказ – «Кавказ». Во-первых, он скомкан. Его надо было бы развернуть, чтобы читатель увидел, какие чувства муж испытывал к своей жене. Не просто же так он, будучи офицером, узнав, что жена ему изменила (кстати, не понятно, узнал или только догадывался), взял и застрелился. Как-то всё это неубедительно. А вот в повести «Митина любовь», да, убедительно. На мой взгляд, проблема любви в ваших рассказах заключается в мимолётности и непостоянстве этого чувства для одного из её участников, то есть не любви, а увлечении. А это не одно и то же. «Антигона» – из этого же разряда. Поэтому каждая из этих историй имеет, как правило, печальный и трогательный исход. Да в жизни чаще всего так и бывает, ибо подавляющее большинство людей несовершенно, не умны, а для долгой счастливой любви должны быть другие герои: люди, обладающие незаурядными умственными способностями и высоким уровнем культуры. Хотелось бы прочитать о любви именно таких людей. К сожалению, жизнеутверждающей силе этого чувства вы уделили мало внимания. Исключением можно назвать, пожалуй, рассказ «В Париже». Хороший рассказ. Кстати, такой же упрёк я периодически высказывал и в свой адрес. Одним из самых удачных на эту тему я считаю рассказ «Последнее свидание». Читаешь этот рассказ – и щемит на душе, перечитываешь – и опять щемит. Вообще-то любой действительно талантливый текст хочется перечитывать. Именно к этому рассказу я неоднократно возвращался. Да и язык здесь яркий, сочный; читаешь – и получаешь удовольствие от художественного слова. Обычно надолго запоминаются афоризмы, а фразы из прозаического текста запоминаются крайне редко. А вот в этом рассказе до сих пор помню: «Мерин задрал голову и, разбив копытом луну в луже, тронул бодрой иноходью». Запомнил эту фразу потому, что читаешь и вживую видишь, как мерин разбивает луну в луже. Прошло несколько десятилетий, как я прочитал эту фразу, а помню до сих пор... И ещё я бы выделил два великолепных рассказа: «Тёмные аллеи» и «Лёгкое дыхание». Вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать.

– Спасибо за добрые слова. А с вашей критикой я согласен.

– Возможно, я дал слишком суровую оценку...

– Да нет, всё правильно. Лев Николаевич, вашу «Крейцерову сонату» я перечитывал много раз и пришёл к определённом выводу. Хочу узнать, правильно ли я понял идею этого произведения. Мне думается, что вы хотели рассказать не о том, как у Позднышева появилась болезненная ревность (этот ядовитый цветок в букете любви), которая привела к кратковременному умопомешательству и убийству жены, а совершенно о другом. А именно: ЧТО предшествовало этому трагическому финалу. Мужчина и женщина создали семью, но с первых дней их взаимоотношения не заладились по самой простой причине: глупость обоих во всех многочисленных проявлениях сопровождала их несколько лет и довела до ненависти друг к другу. Именно это является главным содержанием повести. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Вы правильно всё поняли. Именно поэтому сцены ревности и убийства занимают всего несколько страниц...

Поезд начал замедлять ход, разговор оборвался и вскоре показалось массивное здание станции.

Состав остановился у перрона, заполненного отъезжающими, провожающими и просто любопытными, пришедшими посмотреть на Литературный экспресс. Многие вглядывались в вагонные окна, стараясь узнать кого-нибудь из пассажиров. А пассажиры, в свою очередь, разглядывали на

платформе людей, которые могли бы стать, а некоторые, возможно, уже и были героями литературных произведений.

Через пять минут состав дёрнулся, медленно покатился вперёд, а Бунин и Толстой продолжали молча смотреть в окно: толпа на перроне начинала понемногу расходиться.

А в эту минуту, о чём-то размышляя, по этому же перрону медленно шла Анна Каренина. «И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день её первой встречи с Вронским, она поняла, ЧТО ей надо делать. Быстрым, лёгким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо неё проходящего поезда. Она смотрела на низ вагонов, на винты и цепи и на высокие чугунные колёса медленно катившегося первого вагона и глазомером старалась определить середину между передними и задними колёсами и ту минуту, когда середина эта будет против неё.

«Туда! – говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углём песок, которым были засыпаны шпалы, – туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя».

Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал её, и было уже поздно: середина миновала её. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило её, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе её целый ряд девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для неё всё, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми её светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колёс подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колёсами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под вагон на руки и лёгким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустила на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. «Где я? Что я делаю? Зачем?» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло её в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне всё!» – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы... И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей всё то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла».

Отходящий от станции поезд внезапно резко затормозил и остановился. Лев Николаевич и Иван Алексеевич продолжали молча смотреть в окно: на перроне воцарилось какое-то непонятное оживление.

Бунин вышел в коридор, выглянул в открытую верхнюю фрамугу окна и увидел возбуждённые лица людей.

- Что случилось? – спросил он стоявшего на перроне мужчину.
- Женщина под поезд попала.
- Жива, нет?
- Нет. Говорят, пополам переехало...

Через полчаса пассажиры поезда узнали, что погибла Анна Каренина.

Происшедшее сильно подействовало на душевное состояние Ивана Алексеевича. У него повысилось кровяное давление, и предстоящую ночь он спал отвратительно. Ему приснилось, будто он едет на поезде. На одной из станций, где состав остановился у первой платформы, прогремел выстрел. Бунин высунулся в окно, увидел какую-то непонятную суматоху и услышал мужские голоса:

- Кого убили?
- Да кого надо, того и убили...

Через минуту Бунин узнал, что казачий офицер среди большой толпы народа застрелил героиню рассказа «Лёгкое дыхание» Олю Мещерскую. «Зачем я её убил?!» – воскликнул Бунин и проснулся. Колёса весело постукивали, за окном царствовала тьма.

Лев Николаевич спал спокойно: он заранее знал, что с Анной Карениной всё так и произойдёт.

Утром кондуктор принёс в купе горячий чай и пачку телеграмм в адрес Толстого.

Лев Николаевич бегло просмотрел поступившие телеграммы и с чувством удовлетворения сказал:

– Все телеграммы касаются гибели Анны и романа «Анна Каренина». Надо же, какая стремительная реакция читателей...

– Гениальное произведение всегда на злобу дня. Этот ваш роман не даёт покоя не только читателям, но и кинематографистам. Уже насчитывается более двадцати пяти фильмов, снятых по мотивам книги.

Причём первая звуковая экранизация «Анны Карениной» была ещё в тысяча девятьсот тридцать пятом году, где главную героиню играла Грета Гарбо. Я смотрел этот фильм, когда жил во Франции.

– Да, был такой эпизод.

– А интересно было бы узнать, что там пишут в телеграммах? – спросил Бунин.

– Если хотите, почитаю. Вот телеграмма от Сергея Довлатова. Он пишет: «Самое большое несчастье моей жизни – это гибель Анны Карениной». А вот что сообщила Анна Ахматова: «Главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой».

– Резкое заявление...

– А вот длинная телеграмма Достоевского: «В “Анне Карениной” проведён взгляд на виновность и преступность человеческую... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой...»

– Ненавижу Достоевского! – вдруг со страстью воскликнул Бунин. – Омерзительный писатель со всеми своими нагромождениями, ужасающей неряшливостью какого-то нарочитого противостественного, выдуманного языка, которым никогда никто не говорил и не говорит, с назойливыми, утомительными повторениями, длиннотами, косноязычием. Ах, да что там говорить! – Он с отчаянием махнул рукой.

– У него так всё спутано – и религия, и политика... Но, конечно, это настоящий писатель, с глубоким исканием, не какой-нибудь Гончаров. А мы с Фёдором Михайловичем до сих пор так и не встретились.

– Да вы что? Как же так?..

– Да вот так... И Афанасий Фет откликнулся, – Толстой взял в руки следующую телеграмму. – «Роман “Анна Каренина” есть строгий, неподкупный суд всему нашему строю жизни».

– А вот с этим мнением я солидарен.

– Откликнулась и актриса Татьяна Самойлова, и вот её позиция: «Анна – раскрепощённая женщина, протестующая против чопорного ханжества и свободная в проявлениях своего честного праведного чувства».

– И всё? – удивился Бунин.

– Всё, – ответил Лев Николаевич и, видимо, для шутки перевернул телеграмму и посмотрел на обратную сторону бланка.

– Когда речь идёт о семье, детях и о «честном праведном чувстве», тут надо ещё разобраться в понятии «чопорное ханжество».

– А вот и Салтыков-Щедрин напомнил о себе: «Ужасно думать, что ещё существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется, это подло и безнравственно. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»

– Михаил Евграфович, я уверен, не знает, что такое страсть и как она способна пожирать молодых людей до самого конца, без остатка, – высказал своё мнение о телеграмме Бунин.

– Каждый делает вывод, исходя из собственного жизненного опыта, – отозвался на реплику Лев Николаевич. – Салтыков – талант серьёзный, я люблю его. И язык у него великолепный, чисто народный, меткий слог, а у Достоевского что-то деланное, ненатуральное. А вот телеграмма из Америки от Владимира Набокова: «Любовь не может быть только физической, ибо тогда она эгоистична, а эгоистическая любовь не созидает, а разрушает. Значит, она греховна».

– Спорный тезис. Чувство любви настолько же многогранно, насколько таинственно и потому до конца не изучено. А у Набокова читал я «Машеньку», плохо написано. А «Лолита» – вообще развратная книжонка, наполненная дикой брехнёй. А вот недавно прочитал короткое, но ёмкое стихотворение о любви какого-то неизвестного поэта и сразу запомнил. Вот оно:

Любовь!

Как звучно это слово!

Как много тайн сокрыто в нём!

Его я повторяю снова,

Душа горит его огнём,

Любовь!
Божественное слово.
В нём скрыта сущность бытия
В нём – мироздания основа.
В нём – смерть. В нём – боль.
В нём – жизнь моя.

– А вот ещё одно интересное высказывание, – Лев Николаевич взял следующий бланк. – Телеграмма подписана так: «Анна, но не Каренина». А текст такой: «Есть любовь, которая становится удавкой для обоих. Кроме раздражения Анна Каренина у меня не вызвала никаких чувств».

Последнюю телеграмму Толстой читать не стал и отложил её в сторону.

– А что там, Лев Николаевич? – Бунин кивнул в сторону отложенной телеграммы. – Оскорбляют вас?

– Да нет, просто про Анну Каренину уже начали сочинять анекдоты, – при этих словах Толстой протянул собеседнику непрочитанную телеграмму.

Иван Алексеевич взял её в руки. Текст действительно состоял из анекдота:

Машинист помощнику:

– Вань, ты «Анну Каренину» читал?

– Нет, а кто это такая?

– Да ладно... Проехали...

Неожиданно в вагоне громко включили радио. Популярную на сегодняшний день песню задорно исполняли сразу три известных певца: Надежда Кадышева, Николай Басков и Глеб Матвейчук. Из динамика громко доносилось:

Постучалась в дом боль незваная.
Вот она, любовь окаянная.
Коротаем мы ночи длинные,
Нелюбимые с нелюбимыми-и-и!..

Поезд набирал скорость. Стук колёс пытался попасть в такт мелодии, но у него это плохо получилось.

ГЛАВА 3

Чувство пути

В одном из купе вагона «СВ» двое пассажиров, наплевав на все правила, о которых робко намекнул проводник вагона перед отправлением поезда, пили шампанское и вели непринуждённую беседу.

В молодом темноглазом человеке, на живом лице которого часто возникала ироническая улыбка, можно было узнать Михаила Юрьевича Лермонтова. Напускное равнодушие, которое он старался поддерживать в разговоре, время от времени сметалось всплеском прорывающихся наружу чувств.

Собеседник Лермонтова был постарше и казался более меланхоличным. Крупные черты его неподвижного лица вызывали ощущение некой монументальности. Холодноватый взгляд светлых глаз только укреплял подобное впечатление. Попутчиком Лермонтова был Александр Александрович Блок.

Несмотря на то что эти люди впервые встретились лично, они довольно быстро нашли общий язык и даже почувствовали какие-то незримые родственные связи. Впрочем, ещё до этой встречи и Блок, и Лермонтов замечали в творчестве друг друга столь много общего, что порой это начинало граничить с мистикой. Ранее что-то подобное уже возникало у Михаила Лермонтова при знакомстве с жизнью и произведениями Джорджа Байрона. Лермонтов объяснял это своими шотландскими корнями. Но в случае с Александром Блоком подобное объяснение не срабатывало.

Однако, оказавшись в одном купе, ни Блок, ни Лермонтов не обмолвились ни единым словом об этом чувстве внутреннего родства. Как будто сразу приняли, что некоторые тайны в этом мире так и должны оставаться тайнами.

Обсудив последние политические новости, собеседники плавно перешли к разговору о литературе, что было вполне естественно для тех, кто посвятил свою жизнь этому виду искусства.

В шутку или всерьёз Михаил Лермонтов стал горячо убеждать Блока, что художественная литература в настоящее время полностью исчерпала себя и должна уступить место новым формам описания мира.

– Признайте, Сашура, – говорил он, – что всё мало-мальски достойное упоминания уже написано. Остаётся лишь разложить по полочкам и отправить в архивы. Чтобы было чем заняться литературоведам и критикам. А впрочем, и эти господа уже совершили всё, что могли. Думаю, не осталось ни одного писателя или поэта, которого не разобрали бы по косточкам. Так что и здесь больше делать нечего.

Блок протестующе поднял руку.

– Что? Не согласны? – с показным удивлением поинтересовался Лермонтов.

– Нет, конечно.

– Интересно, почему. Аргументируйте, пожалуйста.

Александр Блок сделал глоток шампанского и сказал:

– Возни вокруг литературы, конечно, много. На мой взгляд, гораздо больше, чем самой литературы. Но утверждать, что всё досконально изучено, я бы не стал. Думаю, белых пятен ещё достаточно. Да и спорных вопросов немало.

– Спорные вопросы возникают там, где ждут бесспорных ответов, – заметил Лермонтов.

– В литературе ещё много белых пятен, – повторил Блок. – Да что далеко ходить, Мишель. Взять хотя бы ваш роман. Ведь до сих пор среди литературоведов ведутся споры о том, что вы имели в виду, снабдив его таким названием. «Герой нашего времени»! Вы и впрямь считаете, что Печорин соответствует этому званию?

Лермонтов усмехнулся:

– Да уж. Неистребима в людях тяга искать для себя героев. И находить их. Порой даже там, где их нет.

– Так, значит, нет?

– А это для кого как. Для кого-то Печорин будет неприятен, а для кого-то может оказаться героем. Я ведь прямо сказал в романе, предвидя возможные вопросы: «Не знаю».

– Вот эта фраза и поставила в тупик не одно поколение критиков.

– Что ж. Так им и надо. Вот что меня меньше всего волнует. Абсолютно бесполезная орава стервятников.

– Не все, Мишель, не все, – покачал головой Блок.

– Не все, – проговорил Михаил Юрьевич, – но по большей части. А тех, к которым стоило бы прислушаться, так мало, что их голоса легко теряются в общем хоре. И очень, очень редко встречаются критические статьи, от чтения которых получаешь удовольствие и пищу для размышлений. Даже затрудняюсь так сразу кого-нибудь назвать... Разве что Писарев.

– Или Ираклий Андроников.

– Пожалуй, – согласился Лермонтов.

Он задумался, затем добавил:

– Но вернемся к Печорину. Герой он или нет – не так уж и важно. А важно то, что его образ как яркое пятно на сером фоне. Он выделяется. А то, что выделяется, так или иначе будит чувства, провоцирует раздумья. Именно на это, по моему скромному мнению, и надеется каждый пишущий. Кому нужна была бы литература, не будь чувствующих и думающих читателей.

– Понимаю, – кивнул Блок. – Печорин – это не ответ, а вопрос. Это повод задуматься. И не столько о самом человеке, сколько о его окружении, обществе, в котором он существует.

– Вот именно. Печорин чужд обществу, и оно для него чуждо. И вы верно выразились, что он в этом обществе существует. Существует, а не живёт. Болен Печорин или больно общество – каждый читатель решает по-своему.

– А как решил бы сам автор?

– А сам автор свою задачу выполнил, – уклонился от ответа Лермонтов.

Александр Блок не стал настаивать. Разговор постепенно перешёл на обсуждение России девятнадцатого века. Это время оба поэта вспоминали с теплотой и грустью. Для них это было время надежд и свершений. И теперь картины, всплывающие в памяти, казалось, наполняли купе ощущением тех лет. Вспомнили войну с Наполеоном, восстание декабристов. Подняли бокалы за «солнце русской поэзии» – Александра Пушкина.

Глядя на пробегающие за окном пейзажи Сибири, Блок негромко произнёс:

– Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

– Как вы думаете, Мишель, – задумчиво спросил он, – почему Пушкин не примкнул к декабристам?

– Сколько копий сломано вокруг этого вопроса. Но ясности это так и не добавило. Думаю, ответить мог бы только сам Александр Сергеевич. А так всё домыслы, домыслы, домыслы.

– А вы, Мишель? Вы сами в то время оказались бы на Сенатской?

– Вне всякого сомнения. Я вообще преклоняюсь перед этими людьми. Пусть они и не одержали победу в отличие от участников октябрьской революции 1917 года. Но пролетариату нечего было терять, кроме своих цепей. А декабристам было что терять. И они пошли на это. На такое не всякий способен.

– У всех свой путь, – философски прокомментировал Александр Блок. – Вот только не каждый способен его пройти. Кстати, в событиях октября семнадцатого года принимали участие не только пролетарии. Были и дворяне.

– За что потом и поплатились, – добавил Лермонтов.

Блок с горечью согласился:

– Революций без жертв не бывает. Как ни прискорбно, но это факт.

А Лермонтов продолжал:

– Мне понятно, что могли ожидать от социалистической революции рабочие и крестьяне. Но вы, Сашура, скажите честно, почему вы её приняли?

Блок, не задумываясь, ответил:

– Мне импонировало стремление большевиков принести свет образования всему народу, а не только его отдельной части. Я верил, что мир спасут красота и знание.

– И сейчас верите?

– Верю. Несмотря ни на что. В конечном счёте так и будет. А иначе зачем жить.

– Вы счастливый человек, – сказал Михаил Юрьевич. – Вы видите свет в грядущих веках.

– Да, вижу, – кивнул Блок. – А что вам мешает?

– Жизнь. И опыт.

Под потолком проснулось поездное радио и объявило:

– Уважаемые пассажиры, прослушайте важное сообщение: «В связи с усложнившейся эпидемиологической обстановкой главный санитарный врач Литературного экспресса подписал распоряжение о всеобщей вакцинации лиц, не имеющих медицинских отводов. О порядке проведения вакцинации будет сообщено дополнительно. Просим всех проявить сознательность и неукоснительно выполнять соблюдение санитарных норм».

Лермонтов выудил из бокала с шампанским ломтик ананаса и прокомментировал прозвучавшее сообщение:

– А вот и луч света из грядущих веков. Вам не кажется, Сашура, что пандемия может несколько изменить ваши ожидания? И что мир спасёт не красота, а вакцинация. Ну-ну, не обижайтесь, я пошутил, – добавил он, заметив, что Александр Блок нахмурился и вознамерился было что-то возразить.

Михаил Юрьевич долил в бокалы вина.

– Выпьем за красоту этого мира и за тех, кто способен её увидеть, – предложил он, поднимая бокал.

Стук колёс помешал услышать звон бокалов, но не помешал почувствовать тонкий вкус настоящего брюта.

За окном показались какие-то строения, и экспресс начал замедлять ход.

– Посмотрите, какие колоритные развалины, – произнёс Лермонтов, указывая на полуразрушенное здание с тёмными глазницами на белой кирпичной стене и какой-то красной надписью на фасаде.

– Да, развалин в России теперь предостаточно, – с грустью прокомментировал Блок, – словно время совершило прыжок назад.

– Ну, если время совершает прыжки, трудно удержаться в седле. Тут даже тому, кто видит свет в будущем, немудрено упасть духом. Не правда ли?

Александр Блок смерил собеседника усталым взглядом и спокойно ответил:

– Ценю вашу иронию, Мишель. Но вы ведь и сами прекрасно всё понимаете. Не мне вам объяснять, что упасть духом для поэта не менее важно, чем воспарить над обыденностью. Жизнь состоит из взлётов и падений. И в этом есть глубокий смысл. Поэт должен обладать чувством пути. Он интуитивно должен ощущать этот путь. И следовать ему, даже если сбивает с ног вьюга сиюминутных дел. Только тогда поэт сможет хотя бы частично воспринять духовность этого мира, услышать его музыку. И воплотить эту музыку в стихи... Слушать музыку, – повторил Александр Александрович, – как это прекрасно. И как это трудно...

Михаил Юрьевич в очередной раз поразился, как легко и свободно мог выразить словами Блок то, что он, Лермонтов, зачастую только замечал в душе как лёгкое прикосновение весеннего ветра. Как некое откровение, донёсшееся свыше.

А Блок словно застыл, погружённый в свои мысли. Его неподвижное лицо стало напоминать холодную маску

«И на челе его высоком не отразилось ничего», – подумал Лермонтов.

Тем временем поезд остановился. Купе наших героев оказалось напротив развалин, привлёкших внимание Михаила Юрьевича. Теперь надпись на фасаде здания можно было разобрать.

– Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет. Владимир Маяковский, – прочитал вслух Лермонтов. – Надо же. Этот революционный трибун и здесь отметился. Вот уж чьи стихи и не понимаю, и не принимаю. Как и вообще претензии футуристов на Будущее.

Лермонтов раздражённо задёрнул занавеску на окне.

– Даже смотреть не хочется.

Блок улыбнулся, и на его лице взамен сброшенной неподвижной маски появился мягкий отблеск прорвавшегося внутреннего света.

– Да нет, Мишель, вы к нему несправедливы. Володя не так прост, как кажется. За гримасами футуризма скрывается тонко чувствующая душа. А то, что его протест против капитализма – этой бездушной машины, перемалывающей всё прекрасное, – принял такие формы... Ну что ж... Он интуитивно обращался к народу на том языке, который был этому народу ближе и понятнее. Мне, как и вам, глубоко чужд футуризм, но Маяковского я уже давно выделяю из этой окололитературной группы. То, что это поэт, несомненно. Просто его демократизм для нас с вами необычен и непривычен. Но это уже наши проблемы.

Михаил Юрьевич не стал возражать. Выпитое шампанское располагало к благодушному настроению, и спорить не хотелось. Поэтом овладели воспоминания. Он вновь ясно увидел вереницу картин прошедшей жизни. Картин, не только сияющих разными оттенками, но и звучащих по-разному.

После некоторого молчания Александр Блок спросил:

– Скажите, Мишель, ваш «Вадим» ещё не готов к публикации? Хотелось бы прочитать законченную вещь.

Лермонтов равнодушно бросил:

– Да нет. Сыроват ещё. Да я как-то уже и остыл к этой безделице. И вообще, меня сейчас больше привлекает живопись. Возможно, позже я и вернусь к рукописям. Кто знает... Ну а вы? Уже много лет как молчите. Ни одной строчки. Я имею в виду поэтические строки. Статьи не в счёт. Ведь вы Поэт. Поэт от Бога. Так почему же вы больше не пишете?

– Я перестал слышать музыку, – ответил Блок.

И от того, как просто он это произнёс, на Лермонтова повеяло такой грустью, что поэт впервые в жизни не нашёл, что сказать в ответ.

ГЛАВА 4

Россия во мгле

Проводник медленно продвигался по вагону «СВ», протирая окна и поправляя занавески на них. Оказываясь возле дверей очередного купе, он задерживался, прислушиваясь к тому, что происходило

внутри. Однако из-за шума, издаваемого вагоном при движении, что-либо разобрать удавалось довольно редко.

Иногда проводник слышал отдельные фразы, но чаще улавливал просто неразборчивую речь. А в некоторых купе вообще было так тихо, словно там и не было пассажиров. Но проводник знал, что свободных мест в вагоне нет.

Пройдя от тамбура до тамбура и убедившись, что на вверенной ему территории всё в порядке, проводник вернулся к себе. Обычно после утренней приборки он позволял себе часок подремать, выбирая большой интервал между остановками. Но в этой поездке всё было не так, как всегда.

Во-первых, служебное купе заняли сотрудники каких-то спецслужб, о чём ему было приказано начальством держать рот на замке. А во-вторых, список пассажиров невольно вгонял проводника в трепет: столько там было известных во всём мире людей. Впрочем, встречались и ничего не говорящие имена. К примеру, Иванов Иван Иванович из седьмого купе. Или Джон Гриффит Чейни из пятого купе. А вот его сосед – Герберт Уэллс. Это имя проводник, похоже, где-то раньше слышал. Только никак не удаётся вспомнить, что было связано с этим именем.

«Стану разносить чай, нужно будет приглядеться к этим иностранцам. У них в купе тихо. Спят, небось, ещё», – подумал проводник.

А в пятом купе действительно было тихо. Но пассажиры не спали. Один из них был постарше, с запоминающимся интеллигентным лицом, на котором выделялись аккуратно уложенные усы, густые брови и веселые внимательные глаза. Этот человек неторопливо потягивал пиво, изучая проносившиеся за окном картины заснеженной сибирской природы и время от времени выжидательно поглядывая на своего попутчика.

Второй пассажир – молодой мужчина – что-то записывал в большом блокноте, полностью погруженный в свои мысли.

Иногда его лицо хмурилось, иногда приобретало мечтательное выражение. Скорость записи то замедлялась, то вновь ускорялась, давая возможность пишущему выплеснуть на бумагу пришедшие в голову мысли.

В списке пассажиров вагона этот человек значился как Джон Чейни, но гораздо больше он был известен под именем Джека Лондона.

Сейчас он был всецело поглощён работой, что несколько удивляло сидящего напротив Герберта Уэллса, привыкшего к более комфортным условиям творчества.

Однако он уважал привычки других людей и даже не пытался нарушить затянувшееся молчание. Впрочем, оно и так вскоре нарушилось.

– Ну вот, на сегодня хватит, – довольно выдохнул Джек и закрыл блокнот. – Пока не напишу тысячу слов – ни глотка.

Он взглянул в окно и заметил:

– Прямо-таки белое безмолвие. Это напоминает мне Аляску. Просто удивительно, как похоже.

Герберт Уэллс вежливо выразил недоумение:

– Что же здесь удивительного? Аляска ведь когда-то была российской.

– Да знаю. Но когда это было. Об этом уже мало кто помнит. По крайней мере, на Аляске.

– А при чём тут человеческая память? Природа-то какой была, такой и осталась. Ну, или почти такой. Я имею в виду природу там, где её ещё не победил человек.

– Да, – кивнул Джек, – к сожалению, таких мест остаётся всё меньше. Ну ладно, хватит о грустном. Как вам русское пиво?

– А вы сами оцените, – улыбнулся Герберт Уэллс. – Для меня будет весьма интересным мнение американского эксперта.

Джек Лондон махнул рукой:

– Какой из меня эксперт. Я, скорее, любитель. Да и вообще предпочитаю виски. А пиво так – баловство.

Джек наполнил стакан и сделал большой глоток.

– Вкус довольно непривычный, – прокомментировал он, прислушиваясь к своим ощущениям. – Не могу сказать, что неприятный, но я бы всё же предпочёл наш напиток.

– Обычный европейский лагер, – заявил Уэллс, – а вы, скорее, привыкли к стауту. Но дело не в этом. Мне бросилось в глаза, насколько местные магазины стали похожи на магазины в Европе.

Россия, несомненно, теряет свою индивидуальность, превращается в общество потребления. А я ведь помню её совсем другой.

– Да, да, – подхватил Джек Лондон, – вы вчера вспоминали, как были здесь в 1914 году. Конечно, она стала другой. Как и наши страны, собственно. Но вы ведь и позднее бывали в России. С Лениным встречались. Я, конечно, читал вашу книгу «Россия во мгле», но было бы неплохо услышать не приглаженные литературно впечатления автора. Расскажите?

Герберт Уэллс не возражал:

– Отчего нет? Если вам интересно.

– Конечно, интересно. Я давно интересуюсь Россией. Даже вынашиваю мысль написать когда-нибудь книгу о революции. Тут такие типажи прорисовываются...

– Ну что ж, – задумчиво произнёс Герберт Уэллс, откидываясь на подушку у стенки купе.

Он немного помолчал, мысленно возвращаясь в прошлое, и сказал:

– Во второй раз я приехал в Россию в 1920 году. Уже после революции. Именно тогда я и встретился с Владимиром Лениным. Я хорошо помню эту встречу. Разговор у нас был долгий и откровенный. Бесспорно, Владимир Ильич был одним из умнейших людей, с которыми мне доводилось беседовать. Он понимал меня с полуслова. Чего не могу сказать о себе, к сожалению. Но одно я понял: у этого человека была мечта, которой он посвятил всю свою жизнь. Мечта создать новую, лучшую жизнь. И он ясно видел, как это сделать. В принципе, у него было почти всё, чтобы осуществить намеренное. Кроме одного. Достаточного числа людей, которые разделяли бы эту мечту. Людей, которые могли бы пожертвовать собой ради достижения светлого будущего для других. Такие люди были, но в столь малом количестве, что вряд ли они могли одержать победу.

А потому картины будущего, которые рисовал мне Владимир Ленин, невозможно было принять всерьёз. Что я тогда видел вокруг? Я видел страну, только что чудом пережившую три войны. Страну, которая, казалось, уже никогда не оправится от потрясений. А тут передо мной сидит человек и рассуждает о светлом коммунистическом будущем. Уверяет, что за десять – пятнадцать лет всё изменится. И фабрики заработают, и пройдёт электрификация. Что это как не утопия? Так Ленин и остался у меня в памяти как кремлёвский мечтатель.

Герберт Уэллс задумался на минуту, а затем продолжил:

– А вообще, в ту поездку Россия меня несколько ошеломила. Я ведь довольно много поездил по миру. Но здесь, вернее там, в России начала 20-го века, многое было для меня возмутительно непонятно. Я оказался в голодной полуразрушенной стране. И на фоне этой разрухи – работающие театры. Помню, попал на выступление Шаляпина. Театр был полон.

А школы? Я сам преподавал некоторое время и мог сравнить эти школы с нашими, английскими. И знаете, сравнение было отнюдь не в нашу пользу. Да, школы выглядели довольно убого. Да, не хватало учебников. Но это было вполне объяснимо. А вот ученики меня поразили. Тяга к знаниям зашкаливала. Меня не оставляла мысль, что если так пойдёт и дальше, то эти дети рабочих и крестьян могут в скором времени оставить просвещённую Европу далеко позади.

По возвращении в Лондон я не раз поднимал этот вопрос. Но ко мне не прислушались. Тогда не прислушались. А вот когда уже через 40 лет в Советском Союзе создали первый искусственный спутник Земли, вот тогда всполошились и у нас, и в Соединённых Штатах. И начались споры: Что делать и Кто виноват? Кстати, исконно русские вопросы.

По сути, было лишь два пути: улучшить наше образование и попытаться ухудшить советское. Вот на эти пути и пришлось потратить уйму средств.

– Да, – согласился Джек Лондон, – российская революция оказала огромное влияние на весь западный мир.

– И не только на западный, – кивнул Герберт Уэллс, продолжая погружаться в свои воспоминания: – Я сказал, что многое в России меня удивляло. Тогда, в 1920 году. Но в глубине души я считал, что все эти лозунги, все эти планы не могут быть надолго. И как я был поражён и встревожен, когда побывал в России, уже в Советском Союзе, в 34-м году.

Я увидел, что многое из того, о чём говорил Ленин, перестало быть только мечтами. Оно стало реальностью. Это была уже не та, бьющаяся в агонии послереволюционная Россия. Это была быстро крепнущая и развивающаяся страна. Ленина уже не было, а его слова превращались в действительность. Люди действительно строили светлое будущее. И среди них – вчерашние школьники. И вновь

я подспудно ощутил тревожное предчувствие надвигающейся угрозы для нашего устоявшегося образа жизни.

– Так вы ожидали увидеть ту же Россию во мгле? – спросил Джек.

– Ну, не совсем так. Я ведь интересовался переменами в этой стране. Но я полагал, что Россия несколько отошла от революционного дурмана и будет ближе к Европе. Я всегда считал и продолжаю считать, что будущее за Мировым государством, в которое рано или поздно вольются отдельные страны. И Россия в том числе.

Однако я увидел, что революционный дурман перешёл в дурман самодостаточности. Большинство советских людей на самом деле верили, что смогут построить коммунизм в своей стране, отдельно от остального мирового сообщества. Идеи Троцкого о мировой революции были уже не актуальны. А после разговора со Сталиным я в этом окончательно убедился.

– А, кстати, какое мнение сложилось у вас о Сталине? Об этом человеке столько противоречивой информации.

– Он показался мне очень честным и порядочным человеком. Весьма эрудированным и твёрдо знающим, чего он хочет. К тому же не лишённым чувства юмора. Таково моё личное мнение.

Я, разумеется, знаю о многочисленных обвинениях в его адрес, но вряд ли этого достаточно, чтобы моё мнение изменилось. И это несмотря на то что мы с ним стоим на разных идеологических позициях. Я не приемлю социализм, а он – капитализм. Ну и что? У каждого есть право на собственные убеждения. И на собственные заблуждения.

– Так вы считаете, что Сталин заблуждался? – с улыбкой поинтересовался Джек Лондон.

– Разумеется, я так считаю. Иначе пришлось бы признать, что заблуждаюсь я.

– Логично.

На лице Уэллса тоже заиграла улыбка:

– Ладно, довольно воспоминаний. Вернёмся к нашим скромным персонам. Скажите-ка мне, Джек, как вас, успешного американского писателя, занесло в сети социализма?

Джек Лондон, не задумываясь, ответил:

– Почему я стал социалистом? Да просто потому, что верил и продолжаю верить, что это – будущее человечества. Если, конечно, оно хочет выжить.

Когда я начинал писать, я просто чувствовал, что мне есть что сказать, и хотел хоть немного приблизиться к создателям книг, людям, перед которыми я преклонялся с детства и творениями которых зачитывался. Приблизиться. А уж оказаться в их рядах – это был вообще предел мечтаний.

Это уже потом я понял, что писательская среда – вовсе не какая-то высшая каста. Есть книги – и есть книжонки. Одни делают человека лучше, пробуждают самые светлые чувства. А другие спекулируют на тёмных, низких сторонах, укрепляют людские слабости. Да и как могло быть иначе. В литературе, как и повсюду, идёт извечная борьба добра и зла. Законы диалектики нельзя просто взять и отменить как нежелательные общественные законы. Именно законы диалектики предрекают неминуемую смену капитализма более совершенной формой организации общества. На сегодняшний день таковой является социализм.

– Но ведь социализм потерпел крах, – заметил Уэллс, открывая очередную бутылку пива.

– Да неужели? – по губам Джека пробежала еле заметная улыбка. – И откуда вы это взяли?

– Ну как же. Рухнул социалистический лагерь. Да и мы с вами едем сейчас по стране, которая считалась оплотом социализма. Тут на каждом шагу были лозунги «Слава строителям коммунизма». А сейчас строят капитализм.

– Неудачное воплощение теории в жизнь – это вовсе не крах самой теории. Вам как учёному это хорошо известно. Да, социализм в Европе потерпел поражение. И наши с вами страны сыграли в этом не последнюю роль. И что? Считаете, что на этом всё и закончится? Как бы не так! В истории человечества это всего лишь один из эпизодов, из которых создаётся история. Чтобы увидеть Будущее, нужно ворошить Прошлое. Когда ликвидировали первое социалистическое государство в Южной Америке, тоже считали, что социализм уничтожен навсегда. Но сколько раз с тех пор его ростки пробивались то тут то там по всему миру. Законы диалектики не победить. Их ход можно временно затормозить. Но и только.

Уэллс с интересом наблюдал за разгорячившимся собеседником. За свою жизнь Герберт не раз слышал подобные доводы. Он давно понял, что можно доказать что угодно, если подобрать нужные

аргументы. В паутине слов запутался не один рассудок. И сейчас, слушая американца, Уэллс думал о своём. О времени, когда человечество придёт, наконец, к пониманию необходимости создания Мирового правительства. И о том, куда тогда будут двигать мир законы диалектики.

А Джек продолжал свои рассуждения:

– Да, Советский Союз был очередной попыткой создания справедливого общества. И более успешной, чем все предыдущие. И вновь человечество оказалось не готово. Пока не готово. Но я не сомневаюсь, что попытки будут повторяться. И обратите внимание, Герберт, что если раньше ростки социализма уничтожали военным путем, то с Советским Союзом было уже не так просто. Здесь потребовалась долгая работа в области влияния на сознание людей. Планомерное кропотливое обольщивание масс, отвлечение на негодные цели, подмена духовных ценностей, насаждение многочисленной и самодовольной армии управленцев. И в итоге в очередной раз человечество отброшено назад.

И что мы видим в России? Какая-то дикая смесь капитализма и остатков социализма. Весьма неустойчивая конструкция.

Да её ещё и расшатывают разросшиеся группы так называемых публичных людей. Всё чаще из стана этой самопровозглашённой элиты доносятся сентенции, позволяющие оценить как духовный, так и интеллектуальный уровень представителей людей, ухвативших свой кусок власти и общественного пирога. Да взять хотя бы высказывание небезызвестного деятеля о том, что образованными людьми трудно манипулировать. Манипулировать, естественно, собирается он и ему подобные. Уж они-то образованы дальше некуда. Что ни высказывание, то истина в последней инстанции. Да ладно бы они только болтали. Но их болтовня всё чаще превращается в действия. Тут и повышение пенсионного возраста, и провозглашённая всеобщая вакцинация.

Вроде бы манипуляция обществом пусть со скрипом, но удаётся. Однако и у манипуляторов есть слабое место. Нетерпение. Хочется всего и сразу. Они как-то не учли тот факт, что ещё много людей, которые учились в школе думать, а не слепо впитывать любую информацию. Поторопились.

Это напоминает мне одного моего друга, с которым мы часто ходили в горные походы. Так вот, когда после долгого перехода хотелось на привале выпить кружку чая, у него никогда не хватало терпения дожидаться, пока вода закипит. Его коронная фраза: пар пошёл – вскипело. Да нет, не вскипело. Это только предвестник закипания. А когда закипит и закипит ли вообще – это ещё вопрос.

– А вот здесь я с вами согласен, – сказал Уэллс.

Он взглянул на часы и продолжил:

– Вопросы, вопросы, вопросы. А сколько их ещё будет. Только что так волноваться, Джек? Это ведь российские проблемы. Пусть у россиян голова и болит.

– Российские проблемы? Да нет, Герберт. Это происходит по всей земле. Человечество раздроблено, и повсюду творится одно и то же. Большая часть пассивно терпит кучку активных посредственностей, прорвавшихся к власти и занятых лишь одним: сохранением своей власти. Вам не кажется, что в таком положении дел и есть основной тормоз человечества?

– Кажется, Джек, кажется. А ещё мне кажется, что настало время перекусить. Согласны?

– И когда я отказывался от разумных предложений? – удивился Джек Лондон. – Только умоляю: овсянку не предлагать.

– Да где же её здесь взять? – вздохнул Уэллс.

В этот момент в дверь постучали, и в открывшемся проёме возник проводник.

– Чаю не желаете? – спросил он. И, посмотрев на Уэллса, добавил: – Может, овсянку, сэр?

– Нет, – вырвалось у Джека Лондона.

– Да, – кивнул Герберт Уэллс.